

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. А. Возьмитель

Ценностно-нормативное
содержание образа жизни
в советской и постсоветской России

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Vozmitel.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Последние десятилетия новейшей российской истории стали периодом бурных перемен и эпохальных инноваций, кардинально изменивших основы общественно-политического устройства страны. Как повлияли эти радикальные изменения на повседневную жизнь россиян? Каковы тенденции «базисных» сдвигов в массовом сознании и социальном поведении людей за прошедшие четверть века? Каковы социальный характер, последствия и риски, продуцируемые происшедшими изменениями?

Некоторые ответы на эти вопросы мы попытаемся дать в настоящей статье, основываясь на сравнительном анализе данных двух репрезентативных исследований образа жизни: всесоюзного, проведенного ИСИ АН СССР в 1981–1982 годах (опрошено 10150 чел., в том числе в России 5522), и всероссийского, проведенного РГСУ в 2008 году (опрошено 2017 чел.)¹.

В рамках действия объективных закономерностей образ жизни изменяется в результате активной преобразующей деятельности людей. Он ими не только воспроизводится, но и творится. Иначе говоря, образ жизни имеет субъектно-объектный характер. Именно в силу активного отношения людей к наличным социально-экономическим и социально-психологическим условиям, формирующийся на этой основе образ жизни может оказывать положительное или отрицательное воздействие на ход общественных процессов, а также на формирование личностей определенных социальных и социально-психологических типов.

Деятельность – динамическая сторона, движущее начало социально-го. Наличные общественные отношения – результат предшествующей деятельности и точка «отталкивания» для деятельности последующей, развивающей или разрушающей эти отношения. В соответствии с субъектно-деятельностным подходом, именно и прежде всего личность выступает результирующим началом всякого развития.

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Социальные изменения в современной России: методология измерения и социальные практики». Научный консультант проекта – академик РАН В.И. Жуков. Руководители проекта – доктор социологических наук, профессор Г.И. Осадчая и доктор социологических наук А.А. Возьмитель. Программа и методика исследования разработаны А.А. Возьмителем при участии Г.И. Осадчей.

Поэтому мы считаем недостаточным определение образа жизни только как жизнедеятельности, что сводит это понятие к предметному объективному поведению людей. Такое ограничение неизбежно приводит к толкованию образа жизни в традициях бихевиоризма, оставляя вне рамок анализа субъективные состояния людей, систему ценностных ориентаций. Однако именно этот анализ дает возможность выяснить направленность и конкретное содержание образа жизни, а также подразумевается под концепцией жизни, включающей в себя терминальные и инструментальные ценности (жизненные идеалы и цели, способы их достижения, представления о счастье и смысле жизни и т.п.).

Исходя из этих соображений, в данной работе мы используем определение исследуемого феномена, в котором нашло отражение диалектическое взаимодействие объективных условий и сознания, проявляющееся в деятельности. *Образ жизни – это система типических форм повседневной жизни, формирующаяся в конкретных макро- и микроусловиях, обладающая внутренним единством в силу целостной природы субъектов деятельности, разделяемых ими ценностей, социальных установок и ориентаций.*

Таким образом, речь идет именно о *способе жизнедеятельности*, содержанием которого является определенная система ценностей, установок и ориентаций, регулирующая социальное поведение людей, а формой – активность (деятельность, поведение, общение, отношения) личности в значимых для нее и для общества сферах и масштабах жизни. Отсюда вполне ясно значение социологического анализа состояния и динамики ценностно-нормативного комплекса, вобравшего в себя значительную часть актуальных и перспективных проблем общественного развития.

Существуют два базисных фактора, определяющих социальное поведение людей: *личностный*, отражающийся в осознанных намерениях, целях, способах их достижения, и *социальный* – воздействие макро- и в особенности микросреды (господствующих в ней норм, взглядов, отношений, ценностей и т. п.), проходя через которую и преломляясь сквозь призму специфических условий, социальных ориентаций и т.п., общественные требования принимаются, отвергаются либо видоизменяются.

Каковы нормы, господствующие в этих микросредах, таковы и реально функционирующие нормы образа жизни. Судить об этом мы можем по содержанию социально-нравственного опыта масс, находящему свое отражение в оценке людьми степени распространенности в их ближайшем социальном окружении наиболее общих стандартов повседневного поведения людей. В совокупности эти стандарты дают представление об определенном ценностно-нормативном наполнении реально складываю-

щегося образа жизни и его соответствии (несоответствии) актуальным задачам общественного производства (см. табл. 1).

Таблица 1. **Оценки характеристик социального окружения**
(в % к числу опрошенных; 1981 – 1982 гг., $n_1 = 5522$; 2008 г., $n_2 = 2017$)

Ответы на вопрос: «Как вы считаете, среди людей, которых вы постоянно встречаете в своей жизни на работе, в семье, в кругу знакомых почти все, большинство, меньшинство или очень мало...»	1981–1982 гг.		2008 г.	
	Почти все окружающие люди	Большинство	Почти все окружающие люди	Большинство
1. Уверены в завтрашнем дне*	38,4	51,2	4,6	25,6
2. Стремятся работать как можно лучше	22,8	65,5	13,3	51,8
3. Отзывчивы, всегда готовы прийти на помощь другим людям	17,9	63,2	12,7	42,9
4. Интересуются в основном приобретением вещей	9,1	35,9	7,6	38,6
5. Заняты только собой, своим личным благополучием	3,4	17,8	15,0	39,3
6. Злоупотребляют спиртными напитками	1,7	18,3	4,8	24,0
7. Недостаточно хорошо (плохо – в 2008 г.) относятся к людям других национальностей	1,8	5,6	4,5	18,9

* Нормы повседневного поведения людей указаны в порядке убывания индекса распространенности, рассчитанного с учетом полного распределения ответов на вопрос в исследовании 1981–1982 гг.

Как видно из приведенных данных, повседневное поведение советских людей в начале 1980-х годов отличала приверженность подавляющего большинства к безусловно позитивным социальным нормам. Так, главным качеством советского образа жизни был социальный оптимизм. Примерно 9 из каждых 10 опрошенных отметили в ходе опроса, что окружающие их люди спокойно смотрят в будущее, уверены в завтрашнем дне.

Динамичное в целом социально-экономическое развитие СССР в 1970-е годы действительно привело к значительным изменениям в условиях жизни людей. Как показывают данные базового опроса, серьезные изменения к лучшему коснулись их жилищных условий, питания, одежды, условий проведения свободного времени, отношений в семье, работы сферы обслуживания и культурно-массовых учреждений. Считали, что материально стали жить лучше, нежели 5 лет тому назад, примерно 7 из 10 опрошенных. При этом более половины заявляли о том, что их жизнь складывается хорошо, немногим менее половины – удовлетворительно и лишь 2% – плохо.

Основа социального оптимизма при социализме – добросовестный труд как источник всех жизненных благ. Поэтому неудивительно, что именно стремление работать как можно лучше занимало второе место по распространенности норм повседневного поведения людей. Отношение к труду – сложный интегральный показатель, складывающийся из таких параметров трудовой деятельности, как самоотдача, заинтересованность трудиться качественно, инициатива в работе, чувство ответственности за дела в коллективе. Здесь также прослеживались позитивные тенденции, которые детерминировали общую социальную установку «работать как можно лучше». Тем не менее, как показал углубленный анализ, основную группу, представляющую половину и более работающих, составляли люди со средними характеристиками трудовой активности.

О том, что между советскими людьми упрочились отношения дружбы и взаимопомощи, свидетельствовала широкая распространенность в их социальном окружении такой нормы, как отзывчивость, чуткость к другим людям, на которой строятся цивилизованные социальные, да и экономические отношения. О распространенности этой нормы на производстве в советское время результаты базового исследования говорят вполне определенно: примерно четверо из пяти работающих часто оказывали помощь товарищам по труду; у каждого трех из четырех опрошенных коллеги по работе были близкими друзьями; около двух третей оценивали свои отношения с непосредственными руководителями как хорошие.

Сегодня много говорят о толерантности. Особенно в связи с этническими отношениями. Судя по анализируемым данным, в России советской эта проблема не была актуальной. Значимой уже в то время она была лишь в Закавказье, в Азербайджане (12–14% микросред, «зараженных» национальными предрассудками), где спустя несколько лет после опроса произошли первые столкновения и погромы на национальной почве (Сумгаит, Баку, Карабах), дестабилизировавшие обстановку в СССР в целом.

Таково основное нормативное наполнение советского образа жизни. В качестве же главных его антиподов выступили: «приобретательство» – потребление как самоцель, выходящее далеко за пределы разумных для того времени потребностей, алкоголизация населения, а также эгоизм, поглощенность исключительно собой, личным благополучием.

Данные, приведенные в таблице 1 и на рисунке 1, свидетельствуют о происшедших за последнюю четверть века значительных изменениях в нормах жизнедеятельности людей.

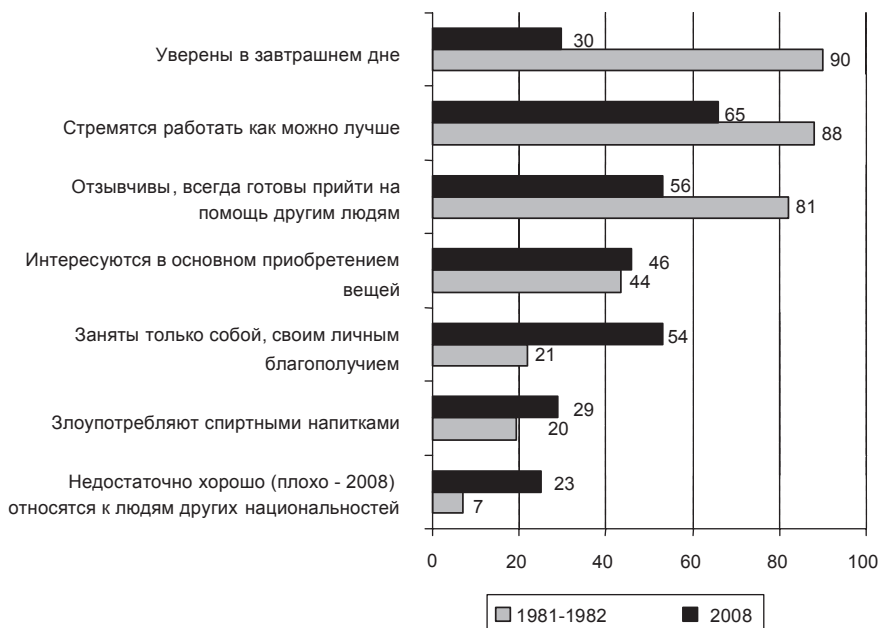

Рис. 1. Динамика характеристик ближайшего социального окружения
(в % к числу опрошенных)

(Ответы «почти» или «большинство» на вопрос: «Как Вы считаете, те люди, которых Вы постоянно встречаете в Вашей жизни (на работе, в семье, в кругу знакомых), почти все, большинство, меньшинство или очень мало...»)

Общая тенденция прослеживается достаточно четко. За прошедшие годы в ближайшем социальном окружении россиян стало гораздо меньше людей, имеющих позитивные социальные установки, и гораздо больше тех, кто ведет себя в соответствии с установками негативными. Так, резко (в три раза) уменьшилась доля микросред, в которых *почти все или большинство* людей уверены в завтрашнем дне, и в два раза – доля тех, в ближайшем социальном окружении которых *почти все* стремятся работать как можно лучше. На 25% сократилось число микросред, состоящих в основном из людей отзывчивых, всегда готовых прийти на помощь.

Напротив, в 2,5 раза стало больше людей, в ближайшем социальном окружении которых преобладают люди, озабоченные исключительно собой, своим личным благополучием. В «алкоголизированном» социальном

окружении сегодня вынуждены жить в полтора раза больше, а в зараженном националистическими предрассудками – в три раза больше людей, нежели в 1981 – 1982 годах (рис. 1). Учитывая изменения в формулировке вопроса (в базовом исследовании речь шла о «недостаточно хорошем» отношении к людям других национальностей, а в сравнительном – о «плохом»), названная тенденция представляется весьма тревожной.

Соответственно, изменилась иерархия норм, господствующих в социальном окружении людей. В советский период в повседневном поведении людей лидировали с большим отрывом три взаимосвязанные, безусловно позитивные социальные нормы (уверенность в завтрашнем дне; стремление работать как можно лучше; отзывчивость, готовность прийти на помощь другим людям), которые, по существу, носили всеобщий характер (доминировали более чем в 80% микросред).

В нынешней России главная лидирующая норма советского периода (уверенность в завтрашнем дне) полностью изменила своё социальное содержание, перейдя в разряд аутсайдеров. Сегодня в нашем обществе на роль ведущих пока ещё претендуют две нормы безусловно позитивного плана (стремление работать как можно лучше; отзывчивость, готовность помочь другим людям), правда, значительно сдавшие свои позиции, превратившиеся из норм всеобщих в нормы средней распространенности; но кроме них в этом списке – эгоцентризм, который практически «дышит им в спину». Иначе говоря, нормативное ядро российского общества не просто утратило свою необходимую целостность, но, по сути, раскололось, вобрав в себя нормы, прямо противоположные по характеру.

Если же говорить об общем векторе происшедших изменений, то налицо активное расширение зоны действия норм негативных за счет сужения зоны действия позитивных установок: «лучше работать» постепенно заменяется на «лучше потреблять»; «взаимопомощь» на «эгоцентризм»; «уверенность в завтрашнем дне» – на «социальную и национальную напряженность».

Все это признаки явной деструкции социальных отношений, масштабы которой достаточно хорошо видны из сравнительного анализа характера социального окружения людей в советское и нынешнее время (табл. 2).

Налицо отчетливая тенденция. В современном российском обществе идет процесс замены благоприятной для нормального человека социальной среды на неблагоприятную – паразитическую, агрессивно-враждебную.

В понимании причин (факторов), определяющих то или иное нормативное содержание образа жизни, важное место занимает анализ тер-

Таблица 2. Характер социальной среды (%)

Общая характеристика среды	1981-1982 гг.	2008 г.
Цивилизованная среда (почти все или большинство стремятся работать как можно лучше; отзывчивы, готовы прийти на помощь другим людям; этнически толерантны. Упоминание хотя бы одной из перечисленных характеристик без упоминания характеристик нецивилизованной среды)	72	38
Нецивилизованная среда (почти все или большинство не стремятся работать как можно лучше; не отзывчивы, не готовы прийти на помощь другим людям; этнически не толерантны. Упоминание хотя бы одной из перечисленных характеристик без упоминания характеристик цивилизованной среды)	1	
Смешанная среда (совместное упоминание характеристик цивилизованной и нецивилизованной среды)	28	54

минальных и инструментальных ценностей, которых придерживаются люди, формируя свой образ жизни. Указанные ценности, дающие представление о жизненной концепции (программе) человека или группы людей, рассматриваются нами и как результат наличного образа жизни, и как фактор, определяющий его состояние и развитие.

Цели, которые ставят себе люди в жизни, в базовом исследовании выяснялись с помощью открытого вопроса: «Что для вас означает “хорошо жить”?» (см. табл. 3).

Таблица 3. Представления о том, что значит хорошо жить
(в % к ответившим; N = 5522)

Ответы на вопрос «Хорошо жить – это прежде всего означает...»:	
1. Быть материально обеспеченным	35,4
2. Иметь хорошую семью, детей	29,6
3. Иметь интересную работу, честно трудиться	26,2
4. Жить в условиях мира и социальной справедливости	23,1
5. Быть здоровым, иметь здоровых близких людей	18,4
6. Иметь хорошие жилищные условия	12,7
7. Иметь друзей, хорошие отношения, взаимопонимание с людьми	7,3
8. Иметь возможность для полноценного отдыха и развлечений	7,1
9. Жить в условиях бесперебойного обеспечения товарами высокого качества, хорошей работы, сферы обслуживания	6,7
10. Найти свое место, цель в жизни	2,6
11. Иметь возможность для удовлетворения духовных, интеллектуальных, эстетических потребностей	2,4
12. Добиться уважения, признания людей	1,7
13. Быть независимым, свободным	1,7

Картина представлений о жизненных целях людей в Советской России, вырисовывающаяся из приведенных данных, преимущественно сводилась к тому или иному сочетанию пяти основных жизненных ориентиров: материальное благосостояние, семейное благополучие, работа по душе и способностям, здоровье, жизнь в условиях мира и социальной справедливости. Относительно самостоятельной ориентацией, выступавшей в форме актуальной жизненной потребности, являлось хорошее жилье. Эта ориентация была характерна прежде всего для людей, не имевших отдельного благоустроенного жилища. Аналогичным образом, упоминание в качестве важного условия хорошей жизни «бездефицитного» снабжения и обслуживания было связано в первую очередь с региональными особенностями.

Слом советской системы, замена ее альтернативным вариантом общественно-политического устройства, – привели к изменению принципов актуализации базовых жизненных целей. Это сделало нецелесообразным прямое дублирование вопроса «Что для вас означает “хорошо жить”? » в сравнительном исследовании. Поэтому вместо него мы использовали апробированный ранее в различных вариантах закрытый вопрос: «У каждого человека есть свои ценности, реализуемые в жизни. К чему стремитесь вы? Что из перечисленного ниже наиболее важно для вас лично?». Респондентам предлагалось отметить только три главных, с его точки зрения, варианта ответа² (см. рис. 2).

Полученное распределение ответов свидетельствует о стабильности ядра (первой тройки) терминальных ценностей россиян: материальное благополучие, семья и работа – в 1981–1982 годах; семья, уверенность в завтрашнем дне и работа – в 2008 г. Материальное благополучие в его современном варианте («быть богатым, чтобы ни в чем себе не отказывать») отошло на четвертое место, уступив лидирующую позицию уверенности в завтрашнем дне – ценности, которая в советское время не выступала в качестве терминальной, поскольку соответствующее состояние личности и общества в целом представлялось само собой разумеющимся.

Во втором ценностном эшелоне сегодня представлены цели, примерно равные по значимости: уважение со стороны окружающих, жизнь в экологически чистой среде и характерная русская ценность жизни по правде, совести, справедливости. Личная безопасность занимает восьмое место в структуре терминальных ценностей, а все другие ее элементы набирают менее 10% голосов опрошенных.

² Три варианта ответа предусматривалась в базовом исследовании.

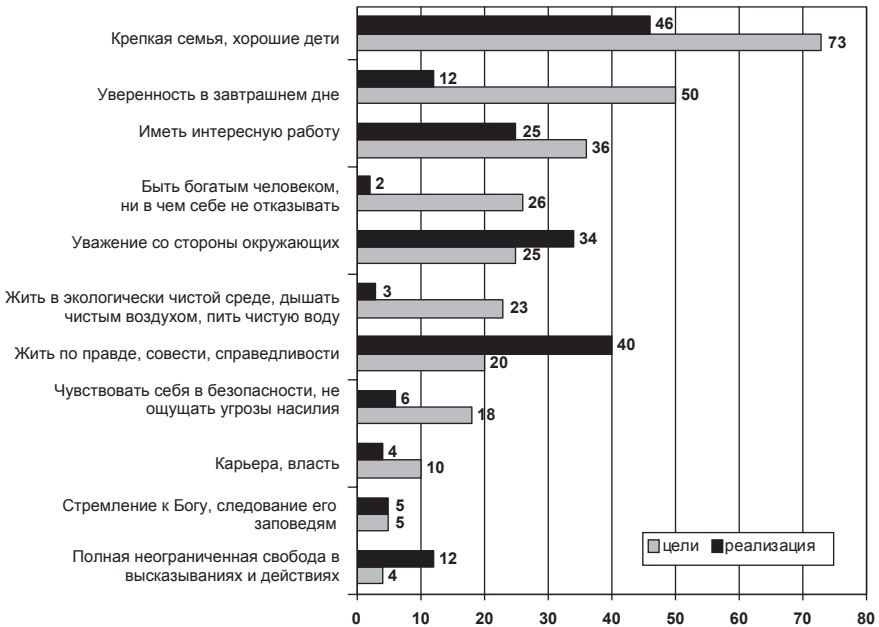

Рис. 2. **Жизненные приоритеты и их реализация**

Ответы на вопрос «К чему стремитесь Вы? Что из перечисленного ниже наиболее важно для Вас лично?» «А что Вам в основном удалось реализовать к настоящему времени?» (в % к числу опрошенных; 2008, N=2017)

Конфигурация ответов на рисунке 2 говорит о достаточно низкой реализации главных жизненных ценностей россиян: уверенности в завтрашнем дне (не реализовалась у 38% опрошенных); семейных (у 27%); связанных с жизнью в экологически чистой среде (у 20%); с работой (у 11%) и личной безопасностью (у 12%). Однако наибольший разрыв между поставленной целью и ее реализацией (в 13 раз!) наблюдается у тех, кто хотел стать богатым человеком.

Если же говорить о целях, которые люди полностью (и даже с лихвой) реализовали в своей повседневной жизни, то они носят в основном идеальный характер. Из тех, кто ставил цель придти к Богу, почти все ответили, что реализовали ее; кто хотел получить уважение окружающих, тот этого добился. О том, что они живут по правде, совести, справедливости, заявили 40%, что в два раза превышает долю тех, кто хотел так жить. Лидирует же среди реализованных ценностей как раз та, которую наши респонденты меньше всего желали: полная неограниченная свобода в

высказываниях и действиях. Все это наводит на мысль о вынужденно-компенсаторном характере реализации «идеальных» ценностей ввиду невозможности реализации базовых «реальных».

Итак, можно констатировать, что наряду с устойчивым ядром главных жизненных целей в их структуре произошли значительные изменения. Важными ее элементами стали уверенность в завтрашнем дне, стремление к богатству, жизни в экологически чистой среде и личной безопасности. Однако именно эти ценности вместе с базовыми инвариантными (семья и работа) реализуются в наименьшей степени.

Отсюда можно предположить, что именно это обстоятельство во многом определяет парадоксальность ситуации, когда явный рост оценок уровня жизни (по сравнению с советским временем) сопровождается столь же явным ухудшением оценок ее качества.

Если сравнить изменения в нормах повседневного поведения людей, терминальных и инструментальных ценностях, то именно последние, как явствует из результатов нашего исследования, за четверть века подверглись наиболее существенной модификации (табл. 4).

Таблица 4. **Оценка важности путей достижения благополучия в жизни**
(в доперестроечной и сегодняшней России; в % к числу опрошенных)

Ответы на вопрос: «Что важно, а что не важно для достижения успеха, благополучия в жизни?»	1981–1982 гг.		2008 г.	
	Очень важно	Важно	Очень важно	Важно
Трудолюбие, добросовестное отношение к делу	66,6	31,0	38,4	46,4
Отзывчивость, чуткость к другим людям	48,1	48,4	21,3	46,4
Честность, принципиальность	54,4	39,7	19,8	46,9
Связи с «нужными» людьми	13,8	33,7	45,3	37,9
Умение приспособиться	9,4	34,8	35,4	44,2
Забота, прежде всего о себе	10,5	33,1	21,4	50,8
Образование	42,5	47,6	48,2	39,5
Деньги	33,0	52,4	48,8	40,8
Способности, талант	26,7	56,6	28,0	51,0

Из приведенных данных можно заключить, что в советской России существовала достаточно четко оформленная по своим характерологическим особенностям система инструментальных ценностей, способов и приемов решения людьми актуальных жизненных ситуаций и проблем.

Инструментальные ценности подразделялись в целом на три основные группы: ценности *всеобщей* распространенности (считали очень важными около или свыше 50% населения и важными свыше 90%); *средней* распространенности (считали очень важными от 20% до 50%

населения и важными от 70% до 90%); ценности *меньшинства* (считали важными до 50% населения).

Первая, лидирующая группа представлена традиционными для русской и советской культуры средствами достижения успеха, благополучия в жизни: трудолюбие, добросовестное отношение к делу; отзывчивость, чуткость к другим людям; честность, принципиальность.

Вторая группа ценностей средней распространенности включала в себя средства достижения жизненного успеха, важные в любых современных культурах: образование, деньги, способности, талант.

Наконец, ценности меньшинства – это связи с «нужными» людьми, умение приспособиться, забота прежде всего о себе, которые сегодня можно назвать либеральными. С ними в советское время вели «непримиримую идеологическую борьбу», но в повседневной жизни мирились как с неизбежным и не очень распространенным злом.

Эта четкая структура реально функционирующих инструментальных ценностей во многом обеспечивала процесс социализации личности и формирование достаточно прочной советской идентичности.

Кардинальное изменение общественного строя, утрата вектора общественного развития и сопутствующее разрушение структур, способствующих социализации личности, систем правовой и духовно-нравственной регуляции, привели к тому, что в сегодняшней России все инструментальные ценности стали как бы равнозначными (не иерархизированными по значимости). Их четкая структура, характерная для советского общества, полностью развалилась. Не стало ни всеобщих ценностей, ни ценностей меньшинства. Все они слились в группу, представляющую собой эклектичный набор прямо противоположных друг другу ценностей, в котором, тем не менее, лидируют в основном средства достижения успеха, благополучия в жизни либерального толка (рис. 3).

Довольно стабильными, инвариантными к политико-экономическим трансформациям России выступают образование, способности, талант и деньги. Однако общая тенденция прослеживается довольно четко: в современном российском обществе, по сравнению с доперестроечным, довольно резко падает роль и значение традиционных для русской культуры средств достижения жизненного успеха (трудолюбия, добросовестного отношения к делу, отзывчивости, чуткости к другим людям, честности, принципиальности), наряду с резким возрастанием роли и значения инструментальных ценностей, которые можно определить как либеральные (связи с «нужными» людьми, умение приспособиться, индивидуализм).

О силе и характере этого модернизационного прорыва можно судить, сравнив распространенность различных групп инструментальных ценностей в доперестроечное и нынешнее время (табл. 5).

Рис. 3. Факторы достижения успеха и благополучия

(в доперестроечной и сегодняшней России; в % к числу опрошенных)

Ответы «очень важно» и «важно» на вопрос: «Что важно, а что не важно для достижения успеха, благополучия в жизни?»

Таблица 5. Распространенность в обществе традиционных и либеральных ценностей (в % к числу опрошенных)

Характеристики групп, разделяющих общие ценности	1981–1982	2008
Разделяют традиционные ценности (признают очень важным трудолюбие, добросовестное отношение к делу, отзывчивость, чуткость к другим людям, честность, принципиальность и отвергают значимость ценностей либеральных)	60,7	19,3
Разделяют либеральные ценности (признают очень важными связи с нужными людьми, умение приспособиться, заботу прежде всего о себе и отвергают значимость ценностей традиционных)	4,1	32,3
Разделяют традиционные и либеральные ценности (признают очень важными традиционные и либеральные ценности одновременно)	18,8	27,2
Не разделяют ни традиционных, ни либеральных ценностей (не признают очень важными ни традиционные, ни либеральные ценности)	16,4	18,1

Приведенные цифры говорят об *инверсии* в сознании людей. Лидирующие в советское время базовые традиционные ценности, на которые ориентировалась основная масса населения, заняли сегодня позиции аутсайдеров, поскольку доля людей, их разделяющих, уменьшилась в 3 раза, а доля тех, кто разделяет либеральные ценности, напротив, возросла в 8 раз. В 1,5 раза выросла и группа тех, кто одновременно разделяет и традиционные, и либеральные ценности. В доперестроечное время этот человеческий тип трактовался в ключе «двоемыслия», «разлада со своей совестью», «сознательного нарушения наших норм и принципов», а как следствие – и законов. На рубеже 1990-х принятие двойного ценностного стандарта пытались интерпретировать как «разрушительную сделку с дьяволом». Однако, на наш взгляд, в те годы это был акт здорового прагматизма, позволяющий «нормально» жить и неплохо себя чувствовать в обществе с «поехавшей крышей».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Анализ результатов сравнительного исследования образа жизни позволяет говорить о разительном снижении социально-нравственного и трудового потенциала российского общества за последнюю четверть века. Произошла инверсия стандартов повседневного поведения и связанных с ними инструментальных ценностей. Сегодня можно говорить о том, что распалось единое нормативно-ценностное ядро, представленное базовыми для всех культур, называющих себя цивилизованными, нормами и традиционными для русской культуры ценностями.

В повседневной жизни активизировался и даже начинает доминировать эгоцентризм. Не может не тревожить бурный рост этнической нетолерантности, заметное повышение уровня алкоголизации населения, а также резкое сокращение распространенности норм повседневного поведения, обеспечивающих цивилизованное развитие любого общества (стремление работать как можно лучше, отзывчивость, взаимопомощь). В результате формируется неблагоприятная для нормального человека (паразитическая, агрессивно-враждебная) среда обитания.

Схожие, но, пожалуй, более ярко проявляющиеся тенденции обнаруживаются при анализе изменений в *инструментальных ценностях*. В соответствии с реально функционирующими нормами формируется поддерживающая их ценностная система, в которой резко возрастает значение ценностей, которые можно назвать либеральными (связи с «нужными» людьми, умение приспособиться, крайний индивидуализм) и резко падает значение ценностей традиционных (трудолюбие, добро-

совестное отношение к делу, отзывчивость, чуткость к другим людям, честность, принципиальность).

Что же касается *терминальных ценностей*, то их ядро (семья и работа) оказалось весьма устойчивым, инвариантным к фундаментальным общественным трансформациям. Однако сегодня в него прочно внедрилась «уверенность в завтрашнем дне» в качестве важнейшей нереализованной в нынешней России ценности. Слабо реализуются и другие – как «старые» (семья и работа), так и новые терминальные ценности, связанные с достижением богатства, жизнью в экологически чистой среде и личной безопасностью.

Все это неизбежно порождает фрустрацию, утрату смысла жизни и другие формы психологического неблагополучия. Вполне можно прогнозировать ухудшение социальной ситуации в нашем обществе, если выявленные в сравнительном исследовании тенденции изменений в сознании и повседневном поведении людей сохранятся.

Как показывает анализ, в сегодняшней России контркультурные формы повседневной жизни, объединенные общим понятием «нецивилизованная среда» («приобретательство», эгоцентризм и этническая нетолерантность), оказываются тесно связанными с различными видами асоциального поведения: стремлением взять от общества побольше, а дать ему поменьше; злоупотреблением спиртными напитками и даже употреблением наркотиков (табл. 6).

Таблица 6. **Взаимосвязь характера социального окружения людей с асоциальным поведением** (% к числу опрошенных; n = 2017)

Среда	Стремятся взять от общества побольше, а дать ему поменьше				Злоупотребляют спиртными напитками				Употребляют наркотики			
	1*	2*	3*	4*	1	2	3	4	1	2	3	4
Цивилизованная	5,9	21,1	52,3	20,6	1,3	10,8	32,1	55,7	0,6	1,5	7,9	90,0
Смешанная	16,6	49,5	26,9	7,0	5,9	27,7	34,2	32,3	3,0	7,9	15,7	73,4
Нецивилизованная	29,4	51,7	6,1	6,7	13,5	61,3	17,2	8,0	3,1	21,5	28,8	46,6

Примечание: *1 – почти все; 2 – большинство; 3 – меньшинство; 4 – очень мало

Приведенные данные позволяют говорить о прямой зависимости между характером социальной среды и распространенностью асоциального поведения. В минимальной степени все анализируемые формы такого поведения присущи цивилизованной среде. Любое внедрение в нее хотя бы одной из норм, характеризующих нецивилизованную среду, резко (в разы!) активизирует все формы асоциального поведения. Когда же в той или иной среде функционируют только нецивилизован-

ные нормы – асоциальное поведение начинает в ней доминировать. Именно так обстоит дело с потреблением спиртных напитков и распространённостью рваческих, «хапательных» установок по отношению к обществу в целом, которые реализуются в уклонении от уплаты налогов, воровстве, приватизации прибыли и национализации убытков, коррупции и т.п.

Не столь выпукло, но все же достаточно четко прослеживается зависимость между характером социальной среды и уровнем потребления наркотиков. Однако наиболее тесно характер социальной микросреды оказывается связанным со здоровым образом жизни (табл. 7.).

Таблица 7. **Взаимосвязь характера социального окружения людей с ведением здорового образа жизни** (% к числу опрошенных; n = 2017)

Среда	Ведут здоровый образ жизни в окружении респондента			
	Почти все	Большинство	Меньшинство	Очень мало
Цивилизованная	9,4	42,3	33,2	15,2
Смешанная	4,4	21,5	42,2	31,9
Нецивилизованная	0,6	1,8	41,1	56,4

Тесная корреляция обнаружилась и между приверженностью людей к определенным инструментальным ценностям и наличием либо отсутствием у них каких бы то ни было запретов, табу. Так, умение переступить закон, мораль оказывается важным (и очень важным) средством достижения успеха, благополучие в жизни – для 12% респондентов, разделяющих традиционные ценности; для 30% – традиционные и либеральные одновременно и для 43% чистых «либералов российского разлива». Нетрудно видеть – от того, в каком ценностно-нормативном направлении общество будет двигаться далее, очень многое зависит.

Итак, модернизационный прорыв ценностно-нормативного ядра советского образа жизни сформировал антиномичную структуру массового сознания – отражение структуры социально-экономической реальности, созданной «диким» российским капитализмом. При этом налицо интенсивное движение к социальной (и шире – цивилизационной) патологии: явному ослаблению рациональных этических начал, господству эгоцентризма (внеэтического индивидуализма), актуализации и производству многочисленных социальных рисков (психологического неблагополучия, аномии, девиантного и саморазрушительного поведения).

Это – кумулятивный результат действия взаимоувязанных факторов: кардинального изменения отношений собственности и общественно-политического строя, а также своеобразной инвазии – вторжения в

русскую культуру чуждых ей норм и ценностей через подконтрольные «отечественные» СМИ. Инвазии, проводимой с помощью так называемой хронополитики, когда во главу угла ставится не организация социального пространства, а процесс движения, в котором приходится согласовывать в социальных массах едва ли не разные эпохи и принципиально разные ритмы эволюции.

Высвобожденная в результате энергия социального распада поддается регулированию только с помощью искусства демократического социального управления – умелого сочетания норм и ценностей разного плана при доминировании тех, что обеспечивают свободное развитие личности, эффективность экономики и здоровье гражданского общества.

